

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2014. 392 с.

Сборник «Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии» представляет собой хорошо изданный, крупный коллективный труд, объемом 58 п.л. Его авторами являются 40 археологов из России, Болгарии и Великобритании. В сборнике собраны работы, которые затрагивают тематику научных интересов Н.Я. Мерперта, включая энеолит и бронзовый век Кавказа, Поволжья, Подунавья, Ближнего Востока, а также сюжеты библейской (церковной) археологии. Помимо этого, в книге опубликована статья Г.Е. Афанасьева по хазарской проблеме, которой Н.Я. Мерперт занимался на заре своей творческой деятельности. Две статьи в сборник представили соратники Николая Яковлевича, много лет проработавшие с ним в рамках сектора каменного и бронзового века, *М.А. Дэвлет* («О «ламповом» знаке на вершине горы Устю-Мозага в Туве») и *Ю.А. Смирнов* (««Садовая могила» – гробница Иосифа Аримафейского»). Воспоминания о Н.Я. Мерперте написали *В.Ю. Луньков*, *Ю.В. Лунькова*, *И.Е. Сафонов* («Об одном из полевых сезонов Н.Я. Мерперта»), *Дж.П. Меллори* («О Николае Яковлевиче Мерперте»), *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозерова* издали статью об учителе Н.Я. Мерперта – *В.А. Городцове* («В.А. Городцов о скрытой энергии археологических памятников»).

Том открывает статья *Р.М. Мунчаева*, друга и соратника Н.Я. Мерперта по многим экспедициям на Ближнем Востоке, а также многолетней работе в Институте археологии. «Выдающийся российский археолог Н.Я. Мерперт (к 90-летию со дня рождения)». В ней подчеркнут вклад Н.Я. Мерперта в российскую науку о медно-бронзовом веке и первобытной истории Евразии, его роль как выдающегося ученого, получившего широкую известность и признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Н.Я. Мерперт являлся автором около 400 научных работ, в том числе 10 монографий. Деятельность Н.Я. Мерперта была связана с раскопками памятников Монголии и Египта; им было создано особое направление в отечественной науке, связанное с изучением ямной культуры эпохи начального освоения металла; он был постоянным участником раскопок экспедиций Института археологии в Ираке и Сирии. Весьма значим вклад Н.Я. Мерперта в археологию первобытности на территории Болгарии. Н.Я. Мерперт стоял у основания раскопок теллей Эзеро и Юнаците, важнейших поселений эпох энеолита и раннего бронзового века Подунавья. После смерти Е.И. Крупнова Н.Я. Мерперт возглавил сектор каменного и бронзового веков Института археологии, которым руководил много лет.

От себя могу добавить, что Н.Я. Мерперт внес весомый вклад в воспитание молодых специалистов по первобытной эпохе. Он несколько лет преподавал на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Его лекции слушали и писали под его руководством дипломы ныне д.и.н. Е.В. Антонова, д.и.н. В.А. Шнирельман и автор этих строк. Его аспиранткой была д.и.н. Н.Л. Моргунова.

Публикуемые материалы в сборнике скомпонованы по трем основным разделам. Они связаны эпохой медно-бронзового века на территориях Кавказа, степей Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока. Представленные в них работы можно разделить в зависимости от содержания по нескольким жанрам. Первый жанр представляют статьи публикационного характера, вводящие в научный оборот новые комплексные источники (погребения, поселения) и анализирующие их. Второй связан со статьями описательного, вещеведческого (типологического) и статистического содержания. Третий включает статьи интегрального характера, обобщающие источники и акцентирующие различные аналитические проблемы региональных масштабов. Значимость работ каждого жанра по-своему важна, так как наша наука базируется не только на широких обобщениях, но и на ее азбуке понятий и определений. Правомочность последних проверяется практикой и вытекает из методики полевых работ, конкретной типологии вещей, то есть упорядоченного археологического вещеведения.

Раздел I. Южноевропейские степи и Кавказ в эпоху бронзы. Статьи публикационного содержания с новыми источниками представлены работами: *М.В. Андреева*, *С.В. Арапов* «Об одном необычном памятнике восточноманьчжурской катакомбной культуры»; *В.Л. Державин* «Погребение с глиняной моделью кузова повозки в кургане под г. Благодарный»; *Н.И. Шишлина*, *Д.С. Ковалев*, *Э.Р. Ибрагимова*, *Н.Н. Шведченко* «Повозка из катакомбного погребения кургана 4 могильника Улан IV: реконструкция и культурный контекст»; *С.Н. Кореневский*, *С.Б. Бурков* «О древностях энеолита и раннего бронзового века из раскопок в Чеченской Республике в 1988–1991 гг.».

Особо драматично складывалась судьба статьи, посвященная материалам из раскопок С.Б. Буркова в Чеченской Республике. В Отдел полевых исследований ИА РАН его отчеты о раскопках курганов в 1991 г. не успели попасть. Помешала война. Архив был вывезен в единственном чемодане С.Б. Бурковым из горящего и лежащего уже в руинах города. Научная ценность спасенных им материалов весьма значима. В статье показано, что они ставят вопрос о глубокой преемственности местного населения, оставившего могильник Самашки, расположенного в Ачхой-Мартановском р-не Республики Чечня. На материалах памятника прослеживается преемственность в обряде захоронения местного населения от эпох энеолита (предмайкопский период, V тыс. до н.э.), времени майкопско-новосвободненской общности (IV тыс. до н.э.) и до эпохи средней бронзы включительно (III тыс. до н.э.), несмотря на стадиальную смену материальной культуры, доносимой до нас погребальными комплексами. Вариант этой статьи был издан также за рубежом (Кореневский, Бурков, 2014).

Статьи интегрального содержания, обобщающие многие источники, представлены следующими работами: *И.В. Манзура* «Некоторые аспекты социальной организации носителей позднеднестровской культуры (по материалам Выхватинского могильника)»; *Н.Л. Моргунова* «Проблемы изучения ямной

культуры в трудах Н. Я. Мерперта в свете современных исследований”; Н. В. Рындина, И. Г. Равич “Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа”; Е. И. Гак, А. А. Калмыков “Металл изделий позднего – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья”; Н. М. Малов “Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза”.

Работы рассматриваемого блока различны по тематике и содержанию. Так, И. В. Манзура касается сложного вопроса о социальной структуре трипольского общества. Он акцентирует внимание читателя на данных Выхватинского могильника позднего Триполья и приходит к выводу о том, что племена трипольской культуры, оставившие Выхватинский могильник, отражают, по сути дела, эгалитарное общество с зарождающимися элементами социального ранжирования при отсутствии четко выраженной социальной иерархии и единоличной власти общинного лидера (с. 122). Это гораздо более правомерное определение, чем традиционные тезисы о матриархальном или патриархальном обществе племен Трипольской культуры.

Н. Л. Моргунова, ныне один из ведущих специалистов по ямной культуре Приуралья, представила развернутую статью о теме ямной культуры в трудах Н. Я. Мерперта (с. 124–134).

Две работы раздела посвящены проблемам изучения древней металлообработки племен майкопско-новосвободненской общности (МНО) и металлу раннекатакомбного периода Егорлык-Калаусского междуречья. Тема о металлообработке майкопских племен Северного Кавказа рассматривается Н. В. Рындиной и И. Г. Равич в основном на примерах металлографии бронзовых изделий. Всего исследовательницы упоминают 152 изученных металлографическим анализом предмета. В их число входят 73 кинжала, 24 втульчатых топора, 17 тесел, 14 сосудов, 6 шильев, 5 вилок и 2 мотыги. Остальные категории металлических изделий на медной основе ограничены одной-двумя находками. В статье главным образом представлены предметы позднего этапа майкопской культуры по А. А. Иессену (1950), таких категорий как черенковые кинжалы с площадкой на клинке и желобами, меч, втульчатые топоры типа ст. Новосвободной и Андриюковской, которые происходят из комплексов долинского варианта и новосвободненской группы. Из предметов раннего майкопского этапа в статье задействована мотыга Галюгаевского поселения и сосуд из погребения 70 кургана I у с. Заманкул. Таким образом, представленная статья вряд ли может претендовать на полный обзор источников по теме изготовления металлических орудий племенами всех вариантов и этапов круга памятников Майкопа – Новосвободной. Особенно не хватает информации о технологии изготовления изделий самого Майкопского кургана, сделанных как на медной основе, так и из благородных металлов.

Вместе с тем полученные Н. В. Рындиной и И. Г. Равич результаты бесспорно заслуживают самой высокой оценки и могут рассматриваться как важный вклад в исследование темы о металле МНО. Так, Н. В. Рындиной разработана шкала из 11 технологических схем, которые характеризуют особенности изготовления майкопских изделий на медной основе. И. Г. Равич экспериментально доказала, что никель положительно влияет на процесс получения мышьяковых бронз, так как он удерживает мышьяк в сплаве при отливке изделия. Обе исследовательницы приводят дополнительные данные о высоком мастерстве майкопских металлургов и существовании центрально-предкавказского и западно-предкавказского районов (или очагов) майкопской металлообработки, которые были уже выделены ранее на основании форм майкопских изделий. Авторы также неоднократно и последовательно отстаивают точку зрения о местном производстве майкопских изделий,

констатируют отсутствие у племен МНО импортов из внекавказских регионов (Рындина, Равич, Быстров, 2008; Рындина, Равич, 2009). Ранее такая точка зрения на металл позднего этапа майкопской культуры на основании типологии вещей была изложена в работах А. А. Иессена (1950) и Р. М. Мунчаева (1975, 1994). Мышьяковые бронзы и мышьяково-никелевые бронзы МНО соотносили с кавказскими источниками меднорудного сырья и никелина С. Н. Корневский (1988, 2011) и В. А. Галибин (1991).

В статью – сводку металла позднего и раннекатакомбного периода – каждый из двух авторов, насколько я понимаю, внес свой вклад в зависимости от собственной специализации. Так, А. А. Калмыков как ведущий археолог по теме ямно-катакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья обеспечил качественные рисунки вещей и их археологический контекст. Е. И. Гак уделил особое внимание химической характеристике металлических изделий. Всего им приведены спектро-аналитические данные по 68 предметам, полученные рентгенофлуоресцентным анализом. Порог чувствительности метода составляет 0.01%. Это меньший показатель, чем порог чувствительности, который позволял определять ранее используемый метод спектрального анализа, применяемый в лаборатории ИА РАН (например, Черных, 1966).

Несколько настораживает в приведенной серии разница в количестве определяемых элементов. Одни анализы выполнены в лаборатории ИА РАН на 10 элементов, другие – в лаборатории МГУ на 2–3 элемента. То есть они по полноте не вполне сопоставимы даже между собой. В целом серия представлена мышьяковыми бронзами и колечками из серебра. В статье отмечаются изделия с повышенным содержанием цинка, который в основном зафиксирован по анализам лаборатории ИА РАН. В определениях лаборатории МГУ таких определений нет. Поэтому в будущем было бы желательно получить спектро-аналитические данные о мышьяковых бронзах из памятников раннекатакомбного периода, учитывающие ликвацию микроэлементов в сплаве и выполненных по единой современной методике на хорошей аппаратуре (например, на спектрометре Tornado, позволяющем учитывать даже степень ликвации микроэлементов).

Проблема изучения памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья рассмотрена в статье ведущего специалиста по тематике срубной культуры Поволжья Н. М. Малова. В ней данная тема раскрывается с прекрасным знанием историографии вопроса об изучении срубной культурно-исторической общности в трудах В. А. Городцова, П. С. Рыкова, О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой, В. С. Бочкарева, Е. Н. Черных и иных исследователей. Н. М. Малов отмечает, что памятники ПБВ Нижнего Поволжья относятся к трем последовательно сменявшим друг друга культурам: покровской, срубной и хвалынской культуре валиковой керамики.

Покровская культура соответствует первой фазе позднего бронзового века (ПБВ I) Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. Калиброванные радиоуглеродные определения для нее соответствуют XXII–XVIII/XVII вв. до н.э. (с. 86). Она соотносится с древностями самусьско-сейминского феномена Волго-Алтайского региона, синташтинскими памятниками, потаповскими и петровскими древностями. Срубная культура относится к фазе ПБВ II. Ее датировка выглядит достаточно широко: XX–XV вв. до н.э. (с. 87). Как она соотносится с датами фазы ПБВ I, полагаю, понятно не всем специалистам, так как диапазоны этих фаз практически совпадают. Даты памятников Нижнего Поволжья, по данным Н. М. Малова, дают значения XIX–XVI вв. до н.э. С хвалынской культурой валиковой керамики связана фаза ПБВ III.

В заключение Н. М. Малов делает очень важное обобщение изложенных материалов. Так, он пишет: “Срубные памятники ПБВ II хронологически не стыкуются с полтавкинскими и катакомбными культурами эпохи средней бронзы и комплексами киммерийско-черногоровского времени. Следовательно, нет достаточных оснований связывать происхождение срубной культуры Поволжья, Северного Прикаспия, Приуралья, Волго-Уралья и Волго-Донского междуречья с полтавкинскими или катакомбными культурами. По аналогичным причинам срубная культура не могла оказать непосредственного влияния и на процессы сложения киммерийско-черногоровских памятников и культурогенеза раннего железного века” (с. 89).

Последствия таких выводов весьма значимы. Они ставят под сомнение вопрос о непрерывной и генетической преемственности развития культур Нижнее Волжского региона и соответственно индоевропейской линии развития местного населения. В любом случае на одних только материалах археологии проблема ретроспекции индоевропейцев здесь не решается.

Раздел II. Балканы открывается короткой заметкой Н. Я. Мерперта “Первый раз в Болгарии”. Далее идут статьи описательного, вещеведческо-типологического и статистического содержания: В. Славчев “Позднеэнеолитическая керамика как источник информации о погребальном обряде (по данным погребения 43 Варненского могильника)”; Л. И. Авилова, Т. Н. Мишина “Металлические изделия телья Юнаците. Эпоха ранней бронзы”; В. И. Балабина “Особенности суммарного распределения массового керамического материала из раннебронзовых горизонтов телья Юнаците (стратиграфия и планиграфия)”; Мария Гюрова “Кремневый ансамбль эпохи ранней бронзы телья Юнаците: функциональный анализ”; К. П. Лецаков “О происхождении и предназначении фракийских “рогатых кирпичей””; В. Мацанова, С. Терзийска-Игнатова “Сидящие антропоморфные фигурки из телья Юнаците”; Т. Н. Мишина “Остроносные чаши телья Юнаците”; В. Николов “Провадия-Солница: “город” V тыс. до н.э. в Западном Причерноморье”.

Как видно из приведенного списка, в этих работах наиболее широко представлена тематика телья Юнаците времени раннего бронзового века. Более древние материалы середины V тыс. до н.э., феноменально богатого захоронения 43 Варненского некрополя анализирует сейчас один из ведущих специалистов по проблеме варненского феномена В. Славчев; В. Николов затронул интересную тему “городов” энеолитической эпохи и их оборонительных сооружений.

Очень важная статья с обобщающей проблематикой опубликована Я. Д. Бояджиевым “Телья Юнаците и проблема перехода от энеолита к эпохе бронзы во Фракии”. В ней рассматривается вопрос о причинах заката блестящего и буквально золотоносного блока дунайских культур развитого халколита Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен, который датируется 47/46–43/42 вв. до н.э. (по калиброванным радиоуглеродным датам (периоды Триполья VI–VIB)). С этим блоком культур на территории современных Болгарии и Румынии связан взлет местного производства меди и изготовление первых тяжелых втульчатых орудий ударного действия и оружия. В погребениях культуры Варна, утопающих в изделиях из золота, отражено сложение местной племенной элиты с символикой в погребальных обрядах орудий военного дела, деревообработки и культа. Ничего подобного в колыбели будущей государственности в нижней Месопотамии мы не находим. Лидирующее положение культур дунайского энеолита в освоении металлургии меди и золота в V тыс. до н.э. очевидно.

В статье Я. Д. Бояджиева излагается череда взглядов на финал блестящего энеолита Дунайского региона культурного

блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен. Так, некоторые ученые причину запустения телья этих культур связывали с нашествием степных восточных народов (М. Гимбутас) или миграциями с востока (Дж. Меллаарт, Н. Я. Мерперт, В. Миков, Г. Тодорова, В. Славчев и др.). Само время между развитым энеолитом (Караново VI) и началом бронзового века (Караново VII–Эзеро). Х. Тодорова рассматривала как переходный период. Она акцентировала внимание на климатических переменах этого времени, сильную засуху в зоне степей Причерноморья, которая толкнула местное население к миграциям на запад. А. Радунчева опубликовала свою точку зрения на финал культур блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен. Она связывала запустение на этих поселках с религиозными причинами и волей некоего верховного жреца, который прочитал по небесным светилам “знак” местного апокалипсиса, в ходе которого жители поселков получили от него приказ поджигать свои жилища (с. 204). Я. Д. Бояджиев относится к такому ходу событий весьма скептически.

Вместе с тем он акцентирует внимание на стратиграфии и хронологии телья Юнаците, которые показывают, что слои времени блока культур Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен датируются серединой – второй половиной V тыс. до н.э., а самый ранний слой РБВ относится к времени около 3000 г. до н.э. Таким образом, отсутствие стыковки между ним и культурами блока Караново VI–Гумельница–Варна–Коджадермен является очевидным фактом (с. 205). Далее Я. Д. Бояджиев пишет, что гибель культур энеолита – это не однократный акт, а процесс, который длился несколько сотен лет, приблизительно с 4200/4100 до 3800/3700 гг. до н.э. Он имел четкое направление потока – с северо-востока на запад и юго-запад. В нем можно выделить три основных этапа. Уничтожение культур эпохи энеолита в Северо-Восточной Болгарии и Фракии (Варна–Коджадермен–Караново VI) рассматривается как установленный факт. Например, подтверждением данному тезису являются свидетельства пожаров в верхних горизонтах телья Руссе. Это объясняется, как полагает Я. Д. Бояджиев, именно активизацией военного фактора и нападениями врагов. Вместе с тем на западе Болгарии памятники культуры Криводол сохраняются и отражают связь с культурой Караново VI.

В истории военных действий энеолитической эпохи Подунавья прослеживается определенная динамика. Так, военные действия при переходе от раннего энеолита к развитому энеолиту, как полагает Я. Д. Бояджиев, происходили между родственными племенами. На заброшенных поселениях следов убийства людей нет. Поэтому целью войн мог являться захват территории, населения, установление контроля над источниками сырья, но не уничтожение обитателей поселков (с. 208). В конце энеолита появляются следы убийства людей прямо на поселениях. Они найдены на памятниках Руссе, Юнаците, Хотница.

Очевидно, что целью нападавших, как полагает Я. Д. Бояджиев, был не захват территории, а уничтожение населения и овладение имуществом своих жертв. Спасением для последних был уход из обжитых поселений и перемещение как можно дальше от угрозы. Уничтожение части населения и бегство оставшихся в живых людей привело к разрушению блестящей зарождающейся культуры энеолита (с. 208).

Подводя итог краткому обзору содержания статьи Я. Д. Бояджиева, хотелось бы отметить, что очень трудно судить о причинах войн эпохи медно-бронзового века только по источникам археологии. Этот вопрос невозможно обсуждать без привлечения данных исторической этнологии. Согласно последней, в истории войн догосударственного периода необходимо различать войны по первобытным причинам, которые в основном не преследовали захват территории, имущества, пленных

для экономического использования в качестве рабочей силы. Исключение в войнах по первобытным причинам могли составлять лишь миграции населения, вынужденные природными условиями или агрессивностью соседей. Войны по первобытным причинам в догосударственный период очень долгое время имели широкое распространение на всех континентах. К другому типу войн относятся “настоящие” войны, которые начались с целью захвата добычи, территории, установления даннических отношений (Шнирельман. 1994. С. 11–47; Дейви, 2009; Davie, 1929). Даже Троянская война, как известно, была замаскирована под войну из-за похищения женщины и мести за такое оскорбление.

Где и как археологам искать критерии начала войн за добычу и захват территории? На этот вопрос ответить сложно, без специальной проработки темы об оружии первобытной эпохи и отражении символики военного дела в погребальных обрядах. Поэтому я бы оставил вопрос о причинах войн энеолитического периода Подунавья открытым до специального исследования на эту тему.

Раздел III. Ближний Восток в рецензируемом труде в основном представлен статьями интегрального содержания и обобщающего характера. Наиболее крупная по объему из них – работа *Ш.Н. Амиров, А.А. Немировский* “К вопросу о кавказско-переднеазиатских связях в IV–III тыс. до н.э. (о распространении куро-араксской культуры на Переднем Востоке)”. В ней вклад каждого автора соответствует его специализации. Очерк археологических памятников подготовлен Ш.Н. Амировым, их историко-лингвистическая интерпретация – А.А. Немировским. Ш.Н. Амиров представил прежде всего современные данные по распространению памятников куро-араксской культуры. Ее ареал сейчас охватывает Южный Кавказ (главным образом, территорию Малого Кавказа), долины Чечни, горные районы Дагестана, перевалы центральной части Большого Кавказского хребта и примыкающие к ним территории республик Северная и Южная Осетия.

За пределами Кавказа много памятников куро-араксской культуры открыто на территории Армянского нагорья, которое в настоящее время входит в состав северо-западного Ирана, Восточной Анатолии и северо-востока Турции. Памятники куро-араксской культуры известны в горах западного Ирана и в Верхней Месопотамии. Спорадически ее культурные слои встречаются на телях равнины Северной Месопотамии. Они, как поселения так называемой культуры кирбет-керака, давно отмечены на территории восточного Средиземноморья в Леванте, Иордании, на севере Израиля.

В российской печати такой обзор современной географии куро-араксской культуры предпринят впервые. Поэтому тема, поднятая Ш.Н. Амировым очень важна. В англоязычной литературе хорошие очерки о куро-араксских памятниках к югу от Аракса на современном этапе их изучения представлены Ф. Колом (Kohl, 2007. С. 86–162), А. Сагона и Р. Зимански (Sagona, Zimansky. 2010. Р. 176) и другими авторами.

Одна из важнейших тем, связанных с такими общими обзорами, связана с проблемой хронологии куро-араксской культуры. Как известно, куро-араксская культура, выделенная Б.А. Куфтиным в 30-х годах XX в. по материалам Южного Кавказа, к 90-м годам прошлого столетия получила разработанную хронологию и локализацию в трудах О.М. Джапаридзе, Т.Н. Чубинишвили, К.Х. Кушнаревой, А.А. Джавахишвили и Л.И. Глonti, И.Г. Нариманова, М.Г. Гаджиева, Р.М. Мунчаева, А.А. Мартиросяна, Э.В. Ханзадян. В основу периодизации этой культуры была положена стратиграфия поселения Квацхелеби по раскопкам А.А. Джавахишвили и Л.И. Глonti.

(Джавахишвили, Глonti, 1962). К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили (1970) выделяли для ее памятников ранние фазы Квацхелеби Е, С и позднюю фазу Квацхелеби В. В иной трактовке такая схема приняла вид куро-араксской культуры I, II и куро-араксской культуры III. Немногочисленные радиоуглеродные даты того периода изучения позднего халколита или раннего бронзового века Кавказа относили время куро-араксской культуры I, II к периоду от 38/37 до 30 в. до н.э., а время куро-араксской культуры III – к первой пол. III тыс. до н.э. (Корневский, 2011. С. 33). Радиоуглеродных дат, говорящих только о первой половине IV тыс. до н.э., для куро-араксской культуры мало. К ним, видимо, можно отнести дату куро-араксского слоя поселения Бериклдеби LE-21974850 ± 50 BP, 3660–3543 BC. Она выглядит более молодой, чем дата слоя V, относимого к лейлатепинской культуре: OZE595 Бериклдеби, слой V 5070 ± 40 BP, 3956–3796 BC (Корневский, 2011. С. 33). Однако эти данные требуют особой проверки, так как материалы нижних слоев Бериклдеби могли быть перепутаны, как отмечают Т. Кигурадзе и А. Сагона (Kiguradze T., Sagona A., 2003. Р. 94).

Для памятников Армении современная хронология куро-араксской культуры рассмотрена несколькими авторами (Аветисян и др., 1996. С. 8–10). Дата раннего элар-арагацкого этапа куро-араксской культуры предлагается в диапазоне 35–30 вв. до н.э. Этот же диапазон подтверждают даты куро-араксского слоя поселения Гехарот – 35–29 вв. до н.э. (Бадалян, Смит, 2008. С. 53). К памятникам начала второй пол. IV тыс. до н.э. также относится дата из слоя XI Пулур (северо-восток Турции) 3502–3346 BC (Корневский, 2011. С. 33). Однако новейшие данные из раскопок в пещере Арени (р. Арпа, Армения) позволили Д. Зардарян отметить куро-аракскую керамику в контексте слоя II этого памятника, датируемого в рамках 4000–3700 BC (Зардарян, 2011. С. 53–57). Таким образом, наиболее ранние даты памятников куро-араксской культуры явно связаны с Южным Кавказом.

Даты второй половины IV тыс. до н.э. за пределами Кавказа отмечены на северо-востоке Турции в верховьях Аракса и Евфрата (Пулур, Сос Хуюк).

В Восточной Анатолии слой с керамикой куро-араксской культуры фиксируется на горизонте Арслантепе VIB1 (3000–2900 BC). Материалы медно-бронзового века входят в состав знаменитой гробницы T1, как справедливо отмечает Ш.Н. Амиров (с. 294). В целом распространение куро-араксской культуры к югу от верховьев Аракса и Евфрата происходило главным образом на ее третьем этапе, после сильнейших культурных трансформаций на Кавказе того времени (с. 297).

Реконструкция конкретных исторически известных групп языков и этносов по данным археологии крайне сложна и требует специальной лингвистической подготовки со знанием палеоязыков, которой я не обладаю. Могу лишь отметить, что для IV тыс. до н.э. на Ближнем Востоке такая задача вообще является проблематичной с точки зрения методики научных реконструкций, так как известные этносы и языковые группы фиксируются только для III–II тыс. до н.э. А.А. Немировский очень осторожно пишет о том, что верхняя Месопотамия в конце III тыс. до н.э. могла быть заселена хурритами. Далее он анализирует этно-языковую ситуацию на Ближнем Востоке для этого времени, отмечая существование эламитов, лулубев, кутиев, как обитателей гор Загроса, хурритов – севера Месопотамии и Армянского нагорья, а также народа субарту на севере равнины Месопотамии (Сирия).

Являются ли памятники куро-араксской культуры, расселенной на огромной территории Кавказа, Восточного Причерноморья, Западного Ирана, отражением носителей одного

языка, одной языковой группы или нескольких языковых групп, думаю, вопрос остался открытым.

Тема связей населения Южного Кавказа с Ближним Востоком сейчас немыслима без анализа памятников лейлатепинской культуры, выделенной И.Г. Наримановым. Ш.Н. Амиров не акцентирует внимание на этой проблеме, так как она не является объектом его рассмотрения в данной статье.

Статья “Маргианский археологический комплекс: свідетельства взаємосвязей (западне напрувлення)”, посвященная комментариям к раскопкам В.И. Сариниди поселения Гонур в Туркменистане (III тыс. до н.э.), опубликована Е.В. Антоновой.

Интересные данные по антропологическим коллекциям из катакомб у с. Великент и неолитических поселений Дагестана представлены М.Б. Медниковой и М.В. Добровольской в статье “Кавказ и Ближний Восток в эпоху раннего металла по данным антропологии”. Череп неолитической части этой коллекции из погребений на поселениях находят аналогии в Леванте. А материалы среднего бронзового века первой половины III тыс. до н.э. из катакомбных захоронений имеют аналогии в Иране и Ираке. Все это говорит о сложной картине формирования населения в прибрежном Дагестане, зоне исторически известного Дербентского прохода, издревле связывавшего по трассам рек и горным проходам северо-западный Иран, восточное Средиземноморье и Восточный Кавказ. Авторы статьи привели средние данные о смертности женщин, найденных в великентских катакомбах. Они находятся, в основном, в интервале 20–29 лет, с пиком смертности 30–39 лет. Смертность у мужчин колеблется в основном от 15 до 44 лет. Много индивидуумов, умерших в возрасте 45–49 лет и старше 50 лет. Процент детской смертности очень высокий. Далее в статье приводится информация о данных смертности могильника Телль Хазна в Сирии (Раннединастический период). Средний возраст смертности женщин 25 лет, мужчин – 37 лет. Для антропологии населения Ближнего Востока характерна долихокрания, отмечают исследовательницы.

Раздел по археологии Ближнего Востока завершает статья Т.В. Корниенко “К вопросу о человеческих жертвоприношениях в ближневосточных обществах эпохи докерамического неолита”. В ней говорится о культах и верованиях населения Верхней Месопотамии, зафиксированных в том числе на поселении Чайоню-тепеси в верховьях Тигра.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемый сборник по своей тематике можно рассматривать как значимый, современный и актуальный вклад в археологическую науку по тем направлениям, изучению которых посвятил свою жизнь Н.Я. Мерперт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветисян П., Бадалян Р., Амаякян С., Пилипосян А. К вопросу о периодизации и хронологии эпох бронзы и железа (Шкала А. Мартиросяна в контексте современных проблем археологии) // 10 науч. сессия, посвященная результатам археологических исследований в 1993–1995 гг. в Республике Армения. Ереван, 1996. С. 8–10 (на арм. яз.).
- Бадалян Р., Смит А. Поселение Гехарот: основные результаты раскопок 2005–2006 гг. // Культура древней Армении: матер. науч. сессии. Вып. IV. Ереван, 2008. С. 53.
- Галибин В.А. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья / Ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 59–69.
- Дейви М. Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И. Урбниси I. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1962. 73 с.
- Зардарян Д.Э. О ранних проявлениях элементов куро-араксской культуры в позднеэнеолитической керамике Арени-1 // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова): сб. матер. Междунар. науч. конф. Сухум, 2011. С. 53–57.
- Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. С. 157–200.
- Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. М.: Таус, 2011. 324 с.
- Кореневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп, 1988. С. 86–104.
- Кореневский С.Н., Бурков С.Б. Погребения эпохи энеолита и начала бронзового века из раскопок в Чеченской Республике 1988 и 1991 гг. // Stratum plus. 2014. № 2: От Карпат до Кавказа: конструкции культуры. С. 145–148.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970. 192 с.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 414 с.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Ранний и средний бронзовый век Кавказа. М.: Наука, 1994 (Археология СССР). С. 158–225.
- Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т. 1: У истоков войны и мира / В.А. Шнирельман. М.: ИЭА РАН, 1994. 176 с.
- Рындина Н.В., Равич И.Г. Химический состав майкопских изделий из цветного металла: история и перспективы исследования // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин и др. Великий Новгород: СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 46–72.
- Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В. О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. М.: Таус, 2008. С. 196–221.
- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 141 с.
- Davie M. The Evolution of War. New Haven: Yale University Press, 1929. 391 p.
- Kiguradze T., Sagona A. On the Origins of Kura-Araxes Cultural Complex // Archaeology in the Borderlands Investigations in Caucasia and Beyond / Eds A.T. Smith, K. Robinson. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2003. P. 38–94.
- Kohl Ph. The Making of the Bronze Age Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
- Sagona A., Zimansky P. Ancient Turkey. L.; N.Y.: Routledge, 2009 (Routledge World Archaeology). 432 p.